

Я - Фридерик Шопен, пианист из Польши...

*К 1.03.... - 20...-летию со дня рождения польского композитора и пианиста
Фридерика Шопена (1810-1849)*

1 марта, в 20...-летний юбилей Фридерика Шопена, в библиотеке «Фолиант» МУК ТБК, в литературном клубе «Прикосновение», состоится литературно-музыкальный вечер, посвященный жизни и творчеству известного польского музыканта.

Гениальность и простодушие, огромная работоспособность и наследственная болезнь, детская наивность и бесконечные хождения по мукам, великий талант и всемирная слава - такова трагическая биография необыкновенного композитора Фридерика Шопена.

Попробуем лишь слегка прикоснуться к его жизни и творчеству, определить для себя суть характера пианиста и узнать, какую роль в его судьбе сыграли Констанция Гладковская и Дельфина Потоцкая, Жорж Санд и Соланж, Мария Водзиньская и Джейн Стерлинг.

Итак...

«Пусть приходят все...»

Шопен умирал. Это было ясно всякому, кто переступал порог его спальни. В комнате больного постоянно сменялись люди, деловито сновали туда-сюда слуги, хлопали двери, не стихали разговоры... Только когда Шопен начинал задыхаться от раздражавшего легкие кашля, гул голосов ненадолго затихал.

- Месье Шопен, позвольте, я вас передвину чуть ближе к окну, вот так. На вас будет падать солнце, а мне будет лучше видно, - бесцеремонно говорил Шопену скульптор **Клезанже**, пристроившийся возле постели больного с карандашом и блокнотом и поспешно делавший зарисовки его профиля. Это был муж **Соланж**, дочери **Жорж Санд**. Сама Соланж, белокурая самоуверенная красавица, находилась тут же и, присев у постели Фридерика с другой стороны, говорила ему какой-то вздор. Шопен силился улыбнуться бескровными губами. Маленькая дочь Соланж капризничала и тянула мать за руку: ей не терпелось отсюда уйти.

Наблюдавшая за этим **Джейн Стерлинг** до боли сжимала кулаки, чтобы не заорать, не наброситься на этих наглецов, этих монстров, для которых последний акт человеческой драмы был всего лишь поводом для устройства их земных делишек. Но, как бы ни был ей дорог этот умирающий человек, кто она ему?

Не успели от Шопена отойти супруги Клезанже, как подскочили какие-то толстые ксендзы и поднесли к его губам распятие. Тут уж Джейн не выдержала и, рванувшись к одному из священнослужителей, воскликнула:

- Ему не в чем каяться, святой отец, оставьте его в покое!

Все головы с любопытством повернулись в сторону женщины. Она стояла перед ними в своем темном платье, худая, бледная и удручающе некрасивая, с впалыми щеками и выступающими передними зубами.

- Вот на этой уродине бедный Фрицек собирался жениться, - прошептала мужу Соланж так громко, что все услышали.

- Прошу вас немедленно покинуть этот дом! - высоким срывающимся голосом выкрикнула Джейн.

Соланж опешила.

- Вы смеете выгонять меня? - с каким-то почти детским недоумением протянула она, округляя глаза.
- Фрицек, что ты на это скажешь?

Шопен попытался что-то произнести, но вместо слов снова закашлялся. Белый платок, который подала ему Джейн, через секунду был весь в крови.

Клезанже, чтобы избежать непристойного скандала, поспешил увести жену. Скульптор успел закончить свои зарисовки. После того как Шопен испустит дух, Клезанже первым представит свой проект памятника.

К ночи публика разошлась. Последний посетитель покинул квартиру умирающего, что находилась на Вандомской площади, в половине одиннадцатого ночи. Джейн присела на кровать больного.

- Фридерик, давайте запретим посещения, - взмолилась Джейн. - *Ведь вам нельзя! Так вы еще долго не поправитесь!*

Он усмехнулся, и она отвела глаза.

- Пусть приходят все, кто хочет меня видеть. Может быть, сейчас я услышу от них что-нибудь... важное для себя.

Джейн отвернулась. Конечно, как могла она сомневаться? Безусловно, он знает, что это конец. Но что ждет от людей этот гениальный, но при этом простодушно-наивный человек? Что кто-то, наконец, проявит к нему доброту, участие или, может быть, любовь? Кого он ждет?

Мадам Санд

Эту историю знал весь Париж. Сначала известная романистка Жорж Санд окружила неприкаянного и уже больного композитора семейной заботой и поселила его в своем доме вместе со своими детьми. Мадам Санд - дама свободных нравов, она давно развелась с мужем и не считается с приличиями.

Джейн несколько раз встречала Санд в свете - редингот, сапожки, стриженные волосы; голос громкий, говорит отрывисто, словно молотком гвозди заколачивают. Джейн недоумевала, каким образом Шопен ее выносил, ведь для его уха женский голос едва ли не важнее всего остального.

Как бы там ни было, но Шопен уехал из поместья Жорж Санд в Ноане, романистка приревновала его к собственной дочери. С тех пор мать и дочь на ножах, Санд даже отказывается взглянуть на свою первую внучку.

Неужели Фридерик в самом деле мог увлечься этой примитивной Соланж, унаследовавшей, видимо, от своего отца Дюдевана пустые голубые глаза и лунообразное лицо? Но несчастный Фридерик лелеет любые проявления дружбы, он так и не научился различать, когда его действительно любят, а когда просто им пользуются. Этот клещ Клезанже, муженек Соланж, уж сколотил приличное состояние на портретах и скульптурах великого композитора и еще приумножит его. Не глуп, понимает, что после смерти Шопена все это будет в цене. А скульптор он бездарный, таланта кот наплакал!

И все-таки Фридерик ждет Санд - наверное, попрощаться. Нет-нет, да спросит: *«Не приходила хозяйка?»* В разговорах Шопен всегда называл мадам Санд «хозяйкой». Называют так любимую женщину? Не может быть, чтобы «хозяйка» не знала, что Шопен при смерти - во всех салонах только об этом и говорят, однако она до сих пор не появилась.

Джейн Стерлинг

Наутро Джейн Стерлинг вместе со слугой с трудом донесли Шопена до кабинета и неловко усадили за рояль. Ноги больного, как у младенца, были тесно завернуты в одеяло. Дотянувшись до клавиш худыми прозрачными пальцами, он заиграл один из своих ранних полонезов. Джейн, стиснув руки, встала в тени у окна. Она не хотела, чтобы Фридерик видел, что она плачет.

- *Господи, я разочаровалась в Тебе,* - повторяла про себя мисс Стерлинг, ужасаясь своим словам: над ее набожностью все посмеивались, и еще вчера она не расставалась с Писанием. - *Я больше не верю, что Ты существуешь!* - продолжала женщина. - *Как мог Ты так поступить с ним? Зачем Ты всегда, всегда издевался над ним!*

Джейн распахнула окно - ей не хватало воздуха. Вдруг ее рука против воли сорвала с шеи распятие и швырнула его прямо на мощеную площадь.

Над этой парой - старой девой Джейн Стерлинг и «малюткой Шопеном» - потешался весь Париж. Сорокапятилетняя шотландка еще недавно была ученицей Шопена и сподобилась влюбиться в него - маленького, хрупкого, неприкаянного. Для Джейн Стерлинг это действительно была первая любовь, пришедшая так поздно. Стерлинг была богата - ее отец, шотландский барон, оставил дочери огромное состояние.

Когда Шопен впервые встретил Джейн у общих знакомых, он тотчас сделал комплимент ее мелодичному, «ангельскому», как он сказал, голосу, и Стерлинг справедливо решила, что это приговор ее внешности. Впрочем, потом Шопен часто говорил ей, что влюблен в ее голос, и Джейн оставалось этим довольствоваться.

В июле 1848 года она, как обычно, пришла к нему на урок, но он оказался болен, кашлял, и лежавший рядом с ним платок был весь в крови. *«Немедленно врача!»* - закричала перепуганная мисс Стерлинг. Шопен остановил ее: *«Не надо, не надо»*. Слуга Пьер потихоньку шепнул Джейн, что врачу

нечем платить.

Джейн ахнула и, влетев к Шопену в спальню, сказала, что хочет заплатить вперед за свои десять уроков музыки. Впрочем, вскоре выяснилось, что врачей звать поздно: чахотка Шопена слишком запущена. *«Надо было регулярно ездить на юг - в Италию, а не в Ноан!»* - строго сказал врач.

Джейн осуждала Санд за свободу нравов, но сама тоже пренебрегла общественным мнением, переехав в квартиру музыканта, правда, сделала она это уже после того, как он перестал ходить. Они не женаты, хотя в колонке светских сплетен периодически появляются сообщения, что месье Шопен вот-вот женится на своей любовнице Джейн Стерлинг.

Примерная католичка Джейн Стерлинг легко решилась бы на это! Но, увы, ей досталась лишь роль добровольной сиделки. Она кормит его с ложки, переносит из комнаты в комнату вместе со слугой, не доверяя Пьеру драгоценную ношу, она читает ему вслух, причем, Фридерик уже давно не хочет ничего слушать, кроме писем от родных, которые просит читать ему снова и снова.

По следам Моцарта

Шопен не видел родительскую семью, оставшуюся в Варшаве, уже почти восемнадцать лет. Джейн недоумевала: как подобное могло произойти при столь горячей любви к родным?

Фридерик в 39 лет называл отца «папочкой», а мать - «мамусей» и жил только письмами и известиями от родителей и сестер. Его сердце принадлежит этим людям так же несокрушимо, как в детстве. Разве это не странно?

Джейн тоже любила родителей, но взрослая жизнь остужает привязанность, даже если человек, подобно ей и Шопену, не сумел обзавестись собственной семьей.

По письмам Джейн представляла себе пана **Николая Шопена**, отца Фридерика, коренастым, недалеким, прижимистым и тщеславным. На все лады повторялись в его посланиях слова «деньги», «заработок», «кусочек хлеба»...

...В семье было четверо детей. Трое девочек и единственный мальчик, Фрицек.

Родители Шопена держали в Варшаве модный лицей и пансион для мальчиков в районе Краковского предместья, они занимали флигель дворца Красипских и вполне могли себя причислить к состоятельным варшавянам.

Их маленький Фрицек был, что называется, вундеркиндом: свой первый полонез он написал в девять лет, и его учитель музыки, **пан Живный**, всю жизнь преподававший в варшавской консерватории, многозначительно подняв вверх указательный палец, сказал отцу: *«Не упустите. Чую - музыкальный гений»*.

Когда мальчику исполнилось десять лет, его импровизацию на рояле услышала сама **Анжелика Каталани**, всемирно известная певица, гастролировавшая в Варшаве. Игру Фрицека Каталани назвала *«неземной и волшебной»*, и газеты на все лады цитировали эти слова.

Судя по всему, пан Николай Шопен отнюдь не собирался упускать дарование сына. Через влиятельных знакомых он прорвался вместе с маленьким Фрицеком в Бельведер, и сын исполнил там рондо и полонез собственного сочинения самой вдовствующей императрице Марии Федоровне и великому князю Константину - русскому наместнику в Польше.

Вообразив себя вторым Леопольдом Моцартом, Николай Шопен с гордостью начал возить Фрицека по светским салонам: во дворец Радзивиллов, Потоцких... Всюду сюсюканье, восторги, восклицания. И денежки, конечно. За каждый концерт чудо-ребенка хозяева щедро вознаграждали пана Николая.

Любопытно, что Фридерик, считавший себя с головы до ног поляком и никогда не забывавший заявить об этом при первом знакомстве, являлся им только наполовину - по матери. А Николай Шопен, сын мелких буржуа, был по происхождению французом и родился в Лотарингии. В Польше он оказался по делам, там его и застала вспыхнувшая во Франции революция. Из-за нее он то ли не смог, то ли побоялся вернуться обратно на родину и навсегда осел в Польше, женившись на бедной дворяночке **Юстине Кшижановской**, будущей матери Фридерика.

Джейн про себя негодовала: сколько выспренных слов в письмах близких к Шопену: и *«сокровище»*, и *«любимое сердечко»*, и *«наше единственное утешение»*... Да где же вы все сейчас, когда *«ваше утешение»* в 39 лет умирает один-одинешенек на чужбине? Ни средств, ни близких - никого и ничего!

...*«Изабелла несчастлива в браке со своим мужем Барциньским»*, - писала мать. Шопен тяжело вздыхал. Бедная девочка! Из всех его сестер она была самая кокетливая, и многие мальчики из их лица были в нее влюблены. А как поживает **Людвика**, его старшая сестра? Она была его первой учительницей

музыки! В четыре года Фрицек упросил сестру научить его нотам.

Джейн знала, что у Фридерика была еще и младшая сестра - **Эмилька**, умершая 14-летней и, судя по всему, от той же болезни, что сейчас пожирала Шопена. Значит, чахотка была наследственной!

Фридерик рассказывал Джейн, что в детстве и юности был худым и нескладным, как обгрызенный карандаш, что его постоянно мучили простуды, то и дело опухали железы на шее - и ему ставили ненавистные пиявки. А ложился спать он с 10-летнего возраста обычно не раньше двух часов ночи. Ну, как же, ведь пану Николаю, приведенному сыну в очередной салон, надо и поужинать остаться, и в картишки перебраться, и кофейку в полночь выпить.

Едва Фридерик исполнилось 20 лет, и он с блеском окончил варшавскую консерваторию, как пан Николай стал собирать сына в Париж. До этого Шопен уже несколько раз выступал со своими сочинениями за границей, в Вене, и имел успех. Это кое-что значило: Вена - один из самых музыкальных городов Европы, здесь еще помнили Бетховена, Шуберта...

Так почему, тем не менее, Фрицека отправляли в Париж?

Николай Шопен был уверен, что столица его бывшей родины - настоящий центр мира. Поскольку Фридерик - *«музыкальный гений»*, то гению подобает жить только в Париже, только там смогут по достоинству оценить и - что немаловажно - вознаградить его талант. А что ждет сына в провинциальной Варшаве? Преподавание за гроши в консерватории? Редкие концерты?

- *Вы тоже стремились в Париж, Фридерик?* - спросила однажды Джейн.

Он секунду подумал и отрицательно покачал головой:

- *Я хотел остаться дома. Мне стыдно признаться, но я так умолял мамусю и папочку! Но они ведь столько денег истратили на мое обучение. Я понимал, что должен вернуть им долг.*

«Вернуть долг!» - раздраженно думала Джейн. - *Хороша любовь!»*

Трижды назначали дату отъезда из Варшавы, и трижды Фридерик накануне заболел, отъезд приходилось откладывать. Последний раз у юноши во время лихорадки начались галлюцинации: ему виделись пожары и рушившиеся дома. Едва оправившись, он кинулся записывать звучащую в голове музыку. Так начал рождаться ноктюрн си-бемоль - трагический, безнадежный. Закончил его Фридерик уже в Вене.

Шопен рассказывал Джейн, как его не могли оторвать от матери при прощании, пану Николаю пришлось буквально разнимать пани Юстину и Фридерика, как разнимают дерущихся.

В ловушке

Шопен оказался заброшенным в Париж, как плохо оснащенное суденышко - в открытое море. Кому он здесь нужен? Что он тут будет делать? В кармане лежали сомнительной ценности рекомендательные письма от варшавского педагога **Эльснера**, никому не известного музыканта из далекой славянской провинции!

Отец простодушно надеялся, что его Фрицека Париж примет с распростертыми объятиями, как принимали когда-то в аристократических варшавских гостиных, но не тут то было. Фридерик уже успел побывать на концертах и заметил, что Париж наводнен пианистами-виртуозами из всех стран мира. Здесь играли **Тальберг, Гиллер, Калькбреннер...**

Сухоощавый ироничный Калькбреннер согласился дома послушать Шопена.

- *Слишком тихо играем, молодой человек! В Париже плохо слышат, особенно дамы!*

Однажды, сидя на концерте очередного нашумевшего виртуоза **Пьера Луиджирона**, Фридерик стал свидетелем невероятной сцены. В середине пьесы музыка вдруг оборвалась, и Луиджирон, схватившись за сердце, стал валиться со стула. В наступившей тишине раздался звонкий женский крик:

- *Шарлатан! Смотрите на него! Он заплатил мне пять франков, чтобы я упала в обморок в этом месте! А я этого не сделала, вот ему и плохо! Этот «виртуоз» не выучил пьесу!*

На следующий день все газеты спешили разоблачить шарлатана. Оказалось, что в самом деле на каждом его концерте ровно в середине какая-нибудь дама падала в обморок, и когда суэта вокруг нее стихала, Луиджирон триумфально играл финал.

На следующий день после скандала Шопен звонил у дверей Луиджирона. Грузный пианист с удивлением уставился на худенького юношу.

- *Я - Фридерик Шопен, пианист из Польши,* - представился он, приподняв шляпу.

- *Чем могу служить?* - сухо осведомился Луиджирон.

- *Я хотел выразить вам свое сочувствие и сказать, что вы замечательно играли, лучшие всех, кого я слышал в Париже. Я понимаю в этом толк. Мне и самому часто хочется сбежать со сцены и не играть самый трудный пассаж. Но я уверен, что все это просто сплетни... Словом...*

Луиджирон, вытаращив глаза, с любопытством смотрел на молодого человека, изысканно вежливо изъяснявшегося на французском с едва заметным акцентом. Поляк? Наверное, это страна каких-то особенных людей, во всяком случае, он на своем веку таких не видывал.

- *А не могу ли я, месье, занять у вас до конца месяца пятьдесят франков?* - вдруг перебил запутавшегося в словах Шопена Луиджирон.

Фридерик покраснел. Пятьдесят фряков - последнее, что у него осталось. Секунду поколебавшись, он вынул деньги и протянул пианисту.

Знал бы пан Николай Шопен, что его любимому сыну пришлось почти голодать в тот месяц и половину следующего, потому что Луиджирон, разумеется, никогда не вернул Фридерiku долг.

Увы, Фридерик уже присмотрелся к тому, как надо жить в Париже, если ты рассчитываешь на успех. Прежде всего, необходимо хорошо одеваться: фрак или смокинг из дорогого сукна, белье - из тонкого голландского полотна. Следовало принимать у себя, поэтому квартиру придется нанять в фешенебельном районе и хорошо ее обставить. Где взять на это средства?

Фрицек чувствовал себя в ловушке: никогда он не заработает здесь денег не только на то, чтобы поддерживать родных, но даже себе на пропитание. Зачем Бог дал ему талант? Если бы можно было отдать его обратно и взамен вернуться в Варшаву! Дома он согласен быть кем угодно, самым скромным учителем музыки...

Но на что будет жить семья? После восстания папочка лишился должности директора лицея, теперь он лишь учитель французского в пехотной школе; сестры собирались замуж, и отец сетовал в письмах, что хорошо бы собрать дочерям хоть какое-нибудь приданое.

Акциитюльпанныхлуковиц и 10-тичасовые уроки музыки

Шопен сунулся было к известному музыкальному издателю **Шлезингеру** и предложил ему свои двенадцать фортепианных этюдов. Шлезингер дал за них такую ничтожную сумму, что ее не хватило даже на три месяца жизни в Париже. Зато он огорошил Шопена предложением обзавестись акциями тюльпанных луковиц, мол, никто из господ музыкантов этим нынче не брезгует - ни Лист, ни Гиллер. Шопен смотрел на издателя, выпучив глаза, его мысль мучительно работала, он старался сообразить, не название ли это новой музыкальной формы: *«Акциитюльпанныхлуковиц»*.

- *Я не слышал о такой,* - наконец смущенно пробормотал Шопен, решив, что хотя он с детства бегло говорит по-французски, возможно, язык все-таки знает недостаточно.

Шлезингер в свою очередь решил, что Шопен или слабоумный, или притворяется таковым. Встречаясь теперь с людьми из музыкального мира, Шлезингер шепотком предупреждал:

- *Вы с Шопеном аккуратны, малый немного того.*

- *Я устрою вам частные уроки, мой друг!* - наконец пообещал Фридерiku Калькбреннер, увидев, как тот смущенно заказывает в ресторане один зеленый салат.

Так в Париже Шопен стал заниматься тем, чего так боялся его отец - он превратился в учителя музыки! Фридерик давал по шесть уроков в день: с девяти утра и до семи вечера.

Ученицами в основном были богатые скучающие дамы: выйдя после урока из дома баронессы де Шарони, Шопен нанимал кабриолет и ехал в дом маркизы Маргариты де Пуатье, оттуда - к баронессе Ротшильд. За двадцать франков ему приходилось ставить пухлые негнущиеся пальчики дам на клавиши и мысленно затыкать уши, пока они, как умели, по ним барабанили.

К пятому уроку у него начиналась мигрень, и он сидел, покрывшись испариной и моля бога, чтобы эта попытка поскорее закончилась. А баронесса Ротшильд, на его несчастье, отличалась любовью к Бетховену, и пока она демонстрировала свое искусство Шопену, ему казалось, что каждый звук - это нож, вонзаемый в его тело.

К концу дня Шопен в изнеможении падал на свою оттоманку. Но сто двадцать франков в день были для него огромным богатством, из которых ровно половину Шопен откладывал, чтобы послать в Варшаву родным.

- *...А знали ваши «папочка» и «мамуся», как вам доставались эти деньги?* - любопытствовала однажды Джейн.

Оказалось, знали: Шопен, как ребенок, не мог ничего утаить от родителей.

- *И что же, «папочка» одобрил вас?*

- *Папочка сказал: борись, выбивайся в люди.*

...В ту хмурюю осень 1849 года все парижские газеты с присущей им «деликатностью» трубили о том, что композитору Шопену, как ни прискорбно, осталось жить считанные дни. Мисс Стерлинг казалось, что все великосветские дамы Парижа считают своим долгом упасть в обморок в

комнате умирающего композитора. Он исполнил завет отца - выбился в люди.

Дельфина Потоцкая, или Еще один любовник репутации уже не повредит

В один из дней, когда Шопен чувствовал себя особенно плохо, пришла его давняя приятельница **Дельфина Потоцкая**, одна из самых высокородных аристократок Парижа, жена графа Потоцкого. Высокая, черноволосая и темноглазая, она держалась королевой. Дельфина была полькой, и Фридерик помнил ее еще по Варшаве: она была дочкой скромного помещика Комара, торговавшего то ли хлебом, то ли чем-то еще. Сейчас Дельфине было уже около сорока, но она все еще была хороша.

- *По мне?* - слабым кивком Шопен указал на черное платье Дельфины.

Та замахала руками:

- *Бог с тобой, милый Фрицек, тетка умерла.*

...Много лет спустя, после смерти Шопена, престарелая Дельфина расскажет мисс Стерлинг, собравшейся писать воспоминания о композиторе, невероятную историю,

- *Я предлагаю вам себя в любовницы, вы слышите меня, пан Шопен, во имя Польши, нашей общей родины. Я ненавижу Париж. Как и вы, я хочу в Комаров, в Желязову Волю, в Краковское предместье...*

Эти слова зимой 1837 года произнесла новая ученица Шопена Дельфина Потоцкая своему учителю. Сидевший за роялем Шопен оцепенел, его маленькие руки застыли над клавишами. Вытащив из кармана белоснежный платок, он стал нервно отирать с лица испарину. Он не мог поднять глаза на Дельфину: так стыдно и неловко ему было.

- *Значит, я не нравлюсь вам, пан Шопен...* - насмешливо протянула ученица.

Да нет, Дельфина очень ему нравилась. Она стала самой лучшей его ученицей - он занимался с ней вокалом. Если бы она не была светской дамой, из нее вышла бы отличная оперная артистка, не хуже Каталани.

Тем временем Дельфина продолжала: что ж, если уж Шопен брезгует ее телом, пускай хотя бы воспользуется ее предложением - они разыграют любовников! Если свет узнает, что он - любовник Дельфины Потоцкой, этого будет достаточно, чтобы его оценили как композитора. Не надоело ему, гениальному музыканту, надрываться и бегать по урокам? Лет двадцать еще побегаешь, а там и помрет в неизвестности. Как Лист завоевал Париж, он знает? Тем, что неподражаемый виртуоз? Шопен горячо закивал, а Дельфина презрительно фыркнула и насмешливо ударила его веером по руке:

- *Не будьте ребенком, Фрицек! Он - любовник Мари Д'Агу. Вот и весь секрет.*

- *Но что подумают о вас?* - пролепетал Шопен. - *Вы замужняя дама!*

Дельфина от души рассмеялась:

- *Еще один любовник моей репутации уже не повредит!*

Шопен действительно слышал разговоры, что Дельфина была любовницей сына короля Луи Филиппа, и не только его...

Весь спектакль поставила сама Дельфинка. В концертах она стала брать Шопена в свою ложу и, прикрывшись веером, интимно шепталась с ним на глазах у всех. Несколько раз она подстраивала так, что Шопен последним уходил с ее приемов по четвергам, а однажды он не мог найти свое кашне, так Дельфина вынесла ему вещичку из своего будуара.

Много ли надо, чтобы пустить слух? Теперь высокородные ученицы Шопена смотрели на учителя совсем по-другому. Муж одной из них вдруг предложил ему выступить в лучшем зале Парижа. Словом, дела Шопена резко пошли в гору.

Разумеется, скорее всего, его и так оценили бы, но Дельфина дала этому осязаемый толчок. После его фортепианных концертов больше не говорили, что композитор играет слишком тихо.

Наконец-то родные Фридерика были счастливы: помимо славы, их сын получал хорошие деньги, он теперь полностью их обеспечивал. И родителей, и обеих замужних сестер с семьями...

Домой! домой!

Джейн иногда думала: а почему за все эти годы Шопен ни разу не сделал попытки жениться? Это скрасило бы его одиночество. Неужели, он ни в кого не влюблялся? Ходили слухи, что в Варшаве у Шопена осталась невеста, которая обманула его, и с тех пор он не доверял женщинам. Тех, кто хорошо знал Шопена, подобное не удивляло: музыкант был однолюбом и, если уж и отдал кому-то свое сердце,

то навсегда.

Наконец наступил момент, когда Шопен собрался домой в Варшаву. Он мечтал об этой возможности с первой секунды пребывания в Париже. Теперь он мог позволить себе целый год, а может быть, даже два никого не учить, не давать утомительных концертов, а просто жить и сочинять в свое удовольствие. Двенадцать лет он не был в Польше, не слышал родной речи, не заходил в любимые варшавские костелы...

Неужели он снова окажется дома, за длинным столом Шопенов в Краковском предместье, набросится с аппетитом на пирожки с капустой, которые испечет мамуся, поболтает с сестрами и племянниками? Хорош дядя - племянников-то он еще не видел. Словом, домой!

Отец в письмах беспокоился, стоит ли сейчас оставлять дела. *«Стоит!»* — впервые в жизни уверенно отвечал Фридерик. Перед отъездом знакомые его не узнавали: обычно меланхоличный, молчаливый, Шопен был весел! Шутил!

...Вот и Вена. Наконец-то! Шопен планировал остановиться здесь на неделю по дороге в Варшаву, чтобы уладить кое-какие музыкальные дела.

Первая любовь Констанция Гладковская, или Роковое письмо

В знакомой венской гостинице его ждало письмо от отца. Тот сообщал, что, возможно, сыну будет любопытно встретиться по дороге со своей знакомой **Констанцией Гладковской**: она как раз сейчас проездом в Вене. Пан Николай намекал на какие-то ее «тяжелые и очень несчастливые обстоятельства». *«Впрочем, сам увидишь, если захочешь»*, - писал отец.

Можно вообразить, как забилося сердце Фрицека: Констанция была его единственной варшавской любовью. Она училась вместе с ним в консерватории, только он - в классе фортепиано, а она - вокала. Сколько раз Констанция пела в варшавской опере под его аккомпанемент!

Шопен обожал ее звучный серебристый голос, но его педагог пан Эльснер предсказывал, что скоро он огрубеет и пропадет: поставлен неправильно.

Фридерик всегда был робок и все стеснялся признаться девушке в любви, ведь вокруг нее всегда толпилось столько поклонников. Лишь накануне отъезда Шопен все же решился скороговоркой выпалить свое признание Косе. Девушка смутилась, поцеловала его в щеку и шепнула на ушко, что будет ждать. Сняв с пальца бирюзовое колечко, она протянула его Фридерiku. Он целовал это колечко всю дорогу до Парижа...

А через год друг Титус Войцеховский написал ему, что Констанция вышла замуж за богатого помещика Юзефа Грабовского, бросила оперу и поселилась с мужем в деревне. Эта рана в сердце Фридерика никак не могла зажить.

... *«Стоит ли нам теперь встречаться, - размышлял Фридерик. - Но что у нее за несчастные обстоятельства, о которых пишет отец?»*

Констанцию в Вене оказалось найти легко. Она остановилась напротив Ратушной площади. Волнуясь, Шопен постучал в дверь. Кося, почти не изменившаяся, тоненькая, изящная, с маленькой, гладко причесанной русой головкой, сидела в кресле и смотрела прямо на него. *«Кто это?»*-спросила она горничную. Шопен испуганно снял шляпу, провел рукой по волосам.

- *Я так изменился, пани Кося?* - дрожащим голосом произнес Фридерик. И услышал, как она вскрикнула и закрыла лицо руками. Потом, глядя мимо него, произнесла:

- *Фрицек, не может быть...*

Констанция была слепа. Фридерик так и не понял толком, что за несчастье с ней случилось; горничная рассказала, что она ослепла после какой-то тяжелой болезни. Муж ее оставил, и Кося теперь направлялась в Париж - к знаменитому офтальмологу.

Чувства к Констанции, показавшейся Шопену во сто крат красивее, чем она была в юности, не вспыхнули - взорвались в его сердце. Он тут же решил, что бросит музыку и посвятит себя служению ей. Разумеется, он вызвался сопровождать Косю в Париж. Родители поймут. Если ее вылечат, они вместе вернутся в Варшаву, а если не вылечат - все равно вернутся.

В Париже Фридерик умолял Констанцию остановиться у него, говорил, что хочет заботиться о ней. Но Констанция настояла на том, что она поселится в отеле. Шопен забросил все дела и навещал ее каждый день. Он лично обошел всех знаменитых парижских врачей, с каждым переговорил и двум дал крупный задаток, чтобы они сделали все возможное.

В одно пасмурное утро Шопен опоздал к Косе к назначенному часу на площадь Пигаль, потому что всю ночь сочинял этюд. Ему хотелось встряхнуться, избавиться от неотступно преследовавшей его музыки, почему-то казалось, что она пришла не к добру. Но звуки все продолжали гнаться за ним, так что он

бежал до отеля, заткнув уши. Управляющий учтиво поклонился знакомому посетителю и сообщил, что его протеже уехала:

- *За ней приехал муж, если не ошибаюсь, месье Грабовский. Мадам узнала его, и он забрал ее. Им срочно понадобилось вернуться в Варшаву.*

Шопен несколько раз провел рукой по лицу и по глазам: не спит ли он? Что все это значит? Какой муж? Может, у него просто помутился рассудок, может, ее похитили?

После этой истории Шопен слег на три месяца. Тогда у него впервые появился злоеющий кашель. Врачи запретили ему ехать в промозглую Варшаву. Странно или нет, но больше он туда и не рвался.

...Только много лет спустя Джейн Стерлинг нашла подтверждение тому, что родители Шопена, вернее отец, хотели любой ценой удержать его от возвращения домой. Иначе как бы сын продолжал их содержать? Но зачем было толкать Фридерика в Вене на встречу с Констанцией? Зачем причинять ему такую боль?

«Кто знает, - рассуждала Джейн Стерлинг, - может, родственники Шопена подкупили слепую и явно находившуюся не в себе Констанцию, чтобы она благосклонно приняла чувство Фридерика?»

А в том, что чувство вспыхнет, отец мог не сомневаться: Фрицек часто откровенно писал родным, как тоскует по своей единственной любви. Знал пан Николай и то, что Констанция одна едет через Вену в Париж, и ему нетрудно было предугадать, что Фридерик благородно вызовется сопровождать ее. Так «родные и любимые» вернули Шопена обратно в постылый Париж.

Теперь уже навсегда...

«Если мне станет лучше, я заработаю и отдам...Только приезжайте!»

Тогда Шопен кое-как оправился, но не до конца: при малейшей перемене погоды его начинала бить лихорадка и мучил кашель. Играть концерты было тяжело, и снова пришлось зарабатывать уроками, с той лишь разницей, что теперь ученики приходили к нему домой.

Джейн слышала про какой-то невразумительный роман Шопена с юной полькой **Марией Водзиньской**, которую он девочкой знал в Варшаве. Но позже графиня Потоцкая рассказала, что Мария поощряла робкие ухаживания Шопена, чтобы он давал займы ее непутевому братцу Антосю, карточному шулеру.

Так что Жорж Санд достался уже смертельно больной, душевно истерзанный человек, которому было не до любви.

...За несколько дней до смерти Шопена приехала его старшая сестра - **Людвика Енджеевич**. Джейн была не в силах присутствовать при встрече сестры и брата и удалилась в другую комнату.

Что ж, его пятое или шестое письмо все-таки проняло родственников! Целый год Фридерик буквально кричал в письмах домой: приезжайте, я умираю! Джейн читала последнее письмо, написанное Людвике в июне: *«Если можете, приезжайте. Я очень болен, и никакие доктора мне не помогут. Если у вас нет денег - займите, если мне станет лучше, я заработаю и отдам...»*

После встречи с сестрой Шопену стало хуже. Он метался в лихорадке, попросил принести свои черновики, хотел порвать их, требовал, чтобы уничтожили его виолончельную сонату и последнюю мазурку.

Это было 17 октября 1849 года, в последний день его жизни. В квартире Шопена по-прежнему толклись посетители, но Джейн была уже не в силах их прогнать. После полудня в квартиру, запыхавшись, влетела Дельфина Потоцкая: у нее было дурное предчувствие. Больной узнал ее и вдруг попросил:

- *Спой для меня, Дельфинка.*

И Потоцкая, став на колени перед его кроватью, запела гимн Богородице Страделлы, по поверью обладавшей целительной силой. Фридерик не отрывал глаз от Потоцкой, а потом застонал:

- *Мамуся...*

Композитор умер в 1849 году, 161 год назад. После смерти ему установили памятник, на передней стороне которого была изображена плачущая муза, у ног которой лежала разбитая лира...

Литература:

1. Брошкевич Е. Образ любви: Повесть о жизни Фридерика Шопена. - М.: Правда, 1989.- 544с., ил.
- 2.Васина-Гроссман В.А. Книга о музыке и великих музыкантах: маленькая энциклопедия. - М.: Дет. лит., 1986. -192с. (о Шопене - стр.162)
3. Венок Шопену: Сборник статей. - М.: Музыка, 1989.-279с, нот: ил.

4. Ежевская З. Фридерик Шопен.- Варшава: Интерпресс, 1981.-100 с.
5. Лебовски Х. Фридерик Шопен //Караван историй. - 2008.- №3.- Стр. 381.
6. Популярная история музыки//Авт. сост. Е.Г. Горбачева. - М.: Вече, 2002.-512 с., ил. (о Шопене - стр. 150 -154)
7. Энциклопедический словарь юного музыканта/Сост. В.В. Медушевский, О.О. Очаковская. - М.: Педагогика, 1985.- 352 с., ил. (о Шопене. - стр. 245)
8. Я познаю мир: Детская энциклопедия. Музыка//Авт. А.С. Кленов, ред. О.Г. Хинн. - М.: ООО «Издательство АСТ», 1999.- 464 с.